

Мария Минина, Наталья Разикова

НАИЛУЧШИЕ ИНТЕРЕСЫ РЕБЕНКА: ДИЛЕММЫ И РЕШЕНИЯ

Развод родителей часто сопровождается спорами о месте жительства ребенка, в которых ключевым ориентиром для органов опеки и попечительства выступает категория «наилучшие интересы ребенка» (НИР). Однако как в правоприменительной практике, так и в сфере социальной работы отсутствует единое понимание содержания этого понятия. Анализ научной литературы также указывает на методологическую разнородность подходов и отсутствие общепринятой модели оценки. В таких условиях принятие решений специалистами оказывается подвержено субъективным трактовкам и зависит от локальных практик. Настоящее исследование основано на качественном анализе профессиональных практик — глубинных интервью и анкетировании работников органов опеки и попечительства из 17 территорий Свердловской области. Выявленные затруднения при подготовке заключений для суда легли в основу методического подхода, направленного на структурирование рассуждений и согласование процедур. Предложенная концептуальная карта факторов задает общий язык для подготовки заключений, не подменяя профессионального суждения. Практическая ценность работы — в унификации процедур, более последовательном учете «голоса ребенка» в пределах возрастных периодов и использовании кейс-конференций с обязательным участием психолога.

Ключевые слова: наилучшие интересы ребенка, органы опеки и попечительства, семейные споры, оценка интересов ребенка, правоприменительная практика

Мария Анатольевна Минина — магистрант второго курса, направление «Организация и управление в сфере социальной работы», Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург; специалист, Управление социальной политики № 13, Кировград, Россия. Электронная почта: minina_ma@inbox.ru

Наталья Игоревна Разикова — к.хим.н., доцент, кафедра инноватики и интеллектуальной собственности, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. Электронная почта: natigratz@mail.ru

Цитирование: Минина М. А., Разикова Н.И. (2025) Наилучшие интересы ребенка: дилеммы и решения. *Журнал исследований социальной политики*, 23 (2): 251–266.

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-2-251-266

Современные социальные процессы затрагивают различные сферы жизни, включая семейные отношения. Нарушение их внутреннего равновесия часто приводит к семейным конфликтам и распаду семьи. Во многих случаях к моменту развода у супругов имеются несовершеннолетние дети, чьи интересы оказываются вторичными в условиях острого межличностного конфликта родителей. Наиболее распространенными спорами, связанными с воспитанием детей (за исключением дел о лишении и ограничении родительских прав), являются споры о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей. В 2024 г. по спорам о месте жительства детей в суды Российской Федерации подано 39338 исков или заключений органов опеки и попечительства в защиту интересов несовершеннолетних. Для сравнения: в 2023 г. — 37727, 2020 — 28987 (Минпросвещения РФ 2025). Эти данные свидетельствуют о высокой актуальности темы урегулирования споров, связанных с воспитанием детей.

К вопросу о толковании понятия «наилучшие интересы ребенка»

Концепция «наилучших интересов ребенка» (далее НИР) впервые обозначена в Декларации прав ребенка 1959 г. (п. 2) (ООН 1959) и получила дальнейшее развитие в ст. 3, п. 1 Конвенции о правах ребенка (ООН 1989). При этом ни один из этих документов не содержит четкого и однозначного определения данного понятия. В научной литературе на протяжении последних десятилетий продолжается дискуссия о содержательных границах и интерпретациях НИР. Вскоре после принятия Конвенции появилась аналитическая статья, в которой Алстон предлагает обсуждать значение и смысл принципа НИР в двух контекстах: с одной стороны, как отражение культурных традиций и норм конкретного общества (культурный релятивизм), с другой — как универсальную ценность, основанную на правах человека (универсализм) (Alston 1994). Сравнительный анализ этих подходов позволяет заключить, что определение НИР с учетом культурных особенностей может быть согласовано с международными правовыми стандартами.

Попытки конкретизировать понятие НИР получили развитие в исследованиях, посвященных соотношению научного и интуитивного подходов к оценке рисков в ситуациях жестокого обращения с детьми (Cash 2001), а также роли профессионального суждения специалиста при принятии решений о судьбе ребенка (Gillingham 2006). С развитием медиативных

практик обсуждение НИР стало частью дискурса досудебного урегулирования семейных конфликтов. При этом акцент сместился на соотношение мнения ребенка и позиции взрослых, принимающих решения, что породило новые интерпретации концепции (Ryrstedt 2012).

Широкое междисциплинарное обсуждение содержания концепции НИР состоялось на конференции Совета Европы в Брюсселе в 2014 г. Материалы по ее итогам демонстрируют разнообразие подходов российских и зарубежных исследователей к интерпретации и применению этого понятия (Арчакова 2020). Как категория правоприменения, НИР должны обладать определенной степенью универсальности, обеспечивая реализацию прав ребенка. В то же время на практике трудно установить, что именно соответствует НИР в конкретной ситуации и как эта категория соотносится с понятиями «потребности ребенка» и «права ребенка». Различия в трактовках проистекают из исследовательских приоритетов: одни ставят во главу угла объективные условия, которые могут обеспечить раздельно проживающие родители; другие — возможности для всестороннего развития; третьи — научно обоснованные возрастные потребности; четвертые — позицию самого ребенка, которая нередко отражает привязанность к одному из родителей или протест по поводу развода, а не оценку предлагаемых условий. При некорректном применении принцип НИР может, напротив, препятствовать реализации прав ребенка, создавая пространство для манипуляций и «перетягивания» ребенка в родительском конфликте.

Вместе с тем исследователи отмечают, что на уровне международного права предпринимаются усилия по конкретизации содержания НИР, наиболее последовательно изложенные в Замечании общего порядка № 14 Комитета по правам ребенка ООН (2013). В документе обозначены семь ориентиров, подлежащих учету при оценке НИР: взгляды ребенка; его индивидуальность; сохранение семейного окружения и поддержание отношений; попечение, защита и безопасность; уязвимое положение; право на здоровье; право на образование. При этом в литературе существуют расхождения во мнениях относительно сильных и слабых сторон предложенных формулировок (Арчакова 2020: 9), условий их целесообразного применения (Там же: 20), а также причин, по которым невозможно дать универсальное определение, пригодное для каждой ситуации (Там же: 32). К сильным сторонам подхода относят ориентацию практики на полную и эффективную реализацию прав ребенка, закрепленных в Конвенции. Вместе с тем перечень критериев носит неисчерпывающий и неиерархический характер, что, с одной стороны, обеспечивает гибкость, а с другой — создает риск произвольных трактовок и неравномерного учета факторов. Дополнительные трудности возникают при поиске баланса между элементами, которые могут вступать в коллизию. Например, между сохранением семейного окружения и обязанностью обеспечить безопасность и защиту ребенка в случаях угрозы его здоровью или развитию, либо между учетом мнения ребенка и оценкой его уязвимости.

Неоднозначность НИР связана с их адаптивностью к конкретному контексту — это сильная сторона концепции — и отсутствием универсальной формулы, что создает риск произвольных трактовок. Отсюда следует, что определение НИР в каждом случае — кропотливая и ответственная работа, требующая междисциплинарной компетентности (право, педагогика, психология, социальная работа) и внимательного, обоснованного балансирования всех учитываемых элементов.

Перевод дискуссии о НИР в практическую плоскость отражен в модели, предложенной нидерландскими учеными (Kalverboer, Zijlstra 2006). Эта модель разработана для профилактики делинквентного поведения у детей и основана на опроснике, соотносящем интересы ребенка с положениями уголовного права (Hainer, Bartels 1989).

В России, как и в других развитых странах, интересы ребенка находятся в центре внимания законодательства, правоприменительной практики, деятельности органов опеки и попечительства, а также научного междисциплинарного обсуждения. Конституция РФ (1993) подчеркивает особую значимость защиты прав и интересов детей, закрепляя приоритет государственной политики в этой сфере (ст. 67.1). Семейный Кодекс ориентирует на необходимость обеспечения условий, способствующих воспитанию и развитию ребенка (ФЗ 1995: ст. 63), а Гражданский Кодекс охватывает и те правовые отношения, в которых участвуют несовершеннолетние (ФЗ 2002). В Постановлении Пленума Верховного суда РФ (1998) подчеркивается, что интересы ребенка рассматриваются как условия для его полноценного развития. Однако ни один из этих нормативных актов не содержит конкретизированного определения НИР и не отражает многообразия факторов, влияющих на их содержание.

О. Г. Миролюбова (2012), анализируя понятие «интересы ребенка» в семейном праве, предлагает рассматривать его в свете с категорией «мнение ребенка». На ее взгляд, именно мнение отражает осознанные интересы несовершеннолетнего. При этом сам интерес в юридической науке, как отмечает автор, следует понимать через более общее понятие — «потребность». Таким образом, интересы ребенка можно понимать как его потребности в развитии и благополучии, которые требуют государственной защиты. А. В. Фиошин (2022) поднимает вопрос о том, могут ли интересы ребенка включать не только права, но и определенные обязанности, например, следование установленному порядку общения с родителями или участие в воспитательных программах. Он отмечает, что в ряде зарубежных правопорядков такая практика существует, тогда как в российском законодательстве она пока не получила развития.

В 2024 г. предпринята попытка законодательно уточнить понятие «интересы ребенка»: в Проекте федерального закона № 534677–8 (2024) предлагалось закрепить в Семейном кодексе категории «наивысших» и «важнейших» интересов ребенка. Однако инициатива не получила под-

держки со стороны экспертных советов и Государственной Думы РФ (Заключение... 2024). Несмотря на большое число публикаций, четкого и универсального определения НИР по-прежнему не существует. Тем не менее как отмечает А. А. Мартыненко (2023), сама концепция — при всей ее неопределенности — остается важным инструментом профессионального общения и помогает структурировать практическую работу с детьми и семьями.

На практике процедура определения НИР начинается с поручения суда: органы опеки и попечительства проводят обследование условий жизни ребенка и каждого из родителей (или иных лиц), претендующих на его воспитание. По результатам обследования специалист оформляет два документа — акт обследования (этап 2 на рис. 1) и заключение по существу спора (этап 3), в котором формулируется позиция органа опеки относительно НИР в конкретной ситуации. Структура и последовательность действий специалистов при подготовке заключения схематически представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Последовательность действий специалистов при подготовке заключения для суда

Представленная схема позволяет зафиксировать формальные этапы процедуры, однако для анализа профессиональных решений специалистов важнее понять, что именно вкладывается в понятие интересов ребенка и как производится их оценка на практике. В нашем исследовании под оценкой интересов ребенка понимается выделение всех существенных факторов, которые могут влиять на его благополучие (например, условия проживания, отношения с родителями, мнение самого ребенка), конкретизация содержания

этих факторов и определение того, какое значение каждый из них имеет при принятии решений в соотношении с другими.

Наиболее полный перечень условий, которые следует учитывать при рассмотрении споров, затрагивающих интересы ребенка, представлен в Методических рекомендациях (Центр защиты прав... 2021). Несмотря на то, что этот документ способствует стандартизации и объективности работы специалистов, он не является обязательным к исполнению. Как показало наше исследование, рекомендации используются непоследовательно и лишь частично.

Мы выявили различия как в последовательности действий специалистов, так и в содержании документов, направляемых в суд. Особенно отчетливо это проявляется в случаях, когда родители проживают в разных административных округах и находятся в ведении разных органов опеки: заключения, подготовленные в таких ситуациях, нередко существенно различаются по структуре, детализации и логике аргументации.

В фокусе внимания настоящей статьи находятся ситуации, когда спор о месте жительства ребенка между родителями доходит до судебного разбирательства, а оценка интересов ребенка оказывается особенно затруднительной. Это случаи, когда: оба родителя способны в равной степени обеспечить основные условия для жизни и развития ребенка; ребенок демонстрирует одинаковую степень эмоциональной привязанности к каждому из них. В подобных ситуациях требуется более точная и чувствительная методика оценки — способ выявления неочевидных различий, которые могут повлиять на окончательное решение. Сами сотрудники органов опеки и попечительства признают, что при подготовке заключения по таким делам они сталкиваются с серьезными затруднениями.

Дизайн исследования

Цель данного исследования — выявить и систематизировать трудности, с которыми сталкиваются специалисты органов опеки при подготовке заключений по делам о месте жительства ребенка, обусловленных неопределенностью трактовки понятия «наилучшие интересы ребенка».

Исследование выполнено в качественной парадигме и основано на полуструктурированных глубинных интервью специалистов органов опеки и попечительства из 17 территорий Свердловской области ($n = 26$). Выборка носила целенаправленный характер и обеспечивала вариативность по стажу, должностям и территориальной принадлежности. Интервью фокусировались на понимании и операционализации НИР, учете мнения ребенка и организационных условиях подготовки заключений. Анализ проводился в логике тематического анализа с сочетанием априорных кодов (из правовых и социологических работ о НИР) и кодов, выявленных в ходе работы с материалом. Для повышения доверительности использованы анонимизация и внутреннее сопоставление кодирования. В исследовании не использовались

сведения о конкретных детях и иные чувствительные персональные данные. Информированное согласие участников исследования получено устно. Анкетный инструмент включал открытые, закрытые и полузакрытые вопросы, которые группировались по нескольким смысловым блокам.

Понимание интересов ребенка. Участникам предлагалось объяснить, как они сами понимают смысл выражения «наилучшие интересы ребенка». Далее они оценивали по шкале значимости различных факторов, которые, по их мнению, следует учитывать при принятии решений. Например, индивидуальные особенности ребенка, родительские качества, характеристики семейного окружения, жилищно-бытовые и имущественные условия. Также заданы открытые вопросы, позволяющие выявить дополнительное понимание или интерпретации.

Учет мнения ребенка. Участники оценивали, насколько значимо учитывать мнение ребенка при принятии решений, и как эта значимость зависит от его возраста. Кроме того, специалисты отвечали на открытые вопросы о том, в каких случаях, по их мнению, необходимо привлекать других профессионалов, например, психологов или педагогов — для более точной и этически корректной интерпретации позиции ребенка.

Определение наилучших интересов. Участникам предлагались закрытые шкальные вопросы, направленные на выявление того, как именно они формируют выводы о наилучших интересах ребенка. Также в интервью обсуждались трудности, с которыми специалисты сталкиваются при подготовке заключений для суда, а также возможная потребность в дополнительных ресурсах — методических, временных или профессиональных — для повышения качества этой работы.

На втором этапе проведен статистический анализ собранных опросных данных с использованием программ *Excel* и *SPSS Statistics 22.0*.

Исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, выборка охватывает специалистов только из одного региона — Свердловской области, что ограничивает возможность обобщения полученных результатов на другие территории с иными управленческими и социально-правовыми условиями. Во-вторых, исследование основывается преимущественно на самооценках и суждениях специалистов, что может включать элементы профессиональной рефлексии, но не позволяет верифицировать, как именно принимаются решения на практике. Наконец, в исследовании не использовались наблюдения за реальными кейс-конференциями и судебной практикой.

Результаты

Специалисты, участвовавшие в интервью, называли 38 критерии, которые, по их мнению, следует учитывать при определении НИР. Ниже перечислены наиболее часто упоминавшиеся (в порядке убывания): условия проживания и материальное обеспечение (20), сохранение семейного

окружения и поддержание отношений (19), защита и безопасность ребенка (15), психологические характеристики родителей (15), учет индивидуальности ребенка и его развитие (13), педагогические характеристики родителей (4), мнение ребенка (3).

Примечательно, что на этапе интервью информанты редко упоминают мнение ребенка и педагогические характеристики родителей как значимые факторы. Однако при переходе к этим аспектам отношение меняется: специалисты подчеркивают важность «мнения ребенка», обсуждают возраст, с которого его позицию следует учитывать, и отмечают, что значимость этого фактора возрастает по мере взросления. При этом представления о возрастных границах нередко расходятся с научной периодизацией (см.: Панякина 2024), что создает риск неполного учета возрастных особенностей и потребностей ребенка.

По мнению большинства специалистов, ключевым возрастным порогом для учета мнения ребенка является десять лет. Такая позиция опирается на правовые ориентиры, но при этом приводит к искаженному восприятию возрастных границ, с которых начинается учет мнения ребенка. Поскольку возраст — десять лет — входит в интервал младшего школьного возраста (7–11 лет), акцент смещается к старшим внутри этой группы, а позиция более младших обесценивается. Между тем право ребенка быть услышанным должно учитываться последовательно в пределах всего возрастного периода.

В ходе подготовки к судебному заседанию специалисты органов опеки сталкиваются с трудностями как при обследовании условий жизни ребенка, так и при составлении итогового заключения. Показательно, что сложности на этапе проведения обследования чаще отмечают информанты с большим профессиональным стажем. На первый взгляд, это кажется парадоксом: чем выше опыт, тем больше затруднений. Однако анализ конкретных ситуаций, описанных специалистами, позволяет прояснить природу этих затруднений. Основные сложности связаны не с нехваткой навыков, а с поведением самих родителей — сторон спора. Среди наиболее частых проблем: отказ одного из родителей от проведения обследования или активное препятствование; предоставление заведомо недостоверной информации или попытки скрыть негативные обстоятельства; отказ от общения, демонстративная подготовка к визиту специалиста, отсутствие взаимодействия с соседями. Все это затрудняет получение объективной информации и требует от специалиста высокой чувствительности и такта в работе с семьей.

Средний стаж работы специалистов, участвовавших в исследовании, составляет восемь лет. При этом специалисты с меньшим стажем, реже сообщают о трудностях при проведении обследования условий жизни сторон спора (этап 2 на рис. 1). Однако сложности, связанные с подготовкой итогового заключения (этап 3 на рис. 1) отмечаются всеми респондентами, в независимости от профессионального опыта.

По результатам исследования, споры о месте жительства ребенка чаще всего возникают в относительно благополучных семьях, где родители обладают сопоставимыми жилищно-бытовыми и имущественными условиями. В таких случаях ключевым становится анализ психологических и личностных характеристик родителей — тех аспектов, которые труднее формализовать и описать в отчетной документации. Среди них: неуверенность в воспитательных функциях, слабая эмоциональная вовлеченность, перенос супружеского конфликта в сферу родительства, межпоколенческая депривация. Как отмечают специалисты, принятие решения в подобных ситуациях требует не только профессиональных знаний, но и жизненного опыта. «*Без житейской мудрости решения не принять...*» (инт. 17, 48 л.) Профессиональный стаж, по-видимому, способствует формированию комплексного взгляда на семейную ситуацию.

Глубина погружения специалиста в жизненную ситуацию семьи — способность уловить ее атмосферу, поговорить с каждым из членов, выявить подлинные интересы ребенка и оценить ресурсы родителей для их соблюдения — напрямую зависит от времени, которым располагает специалист, и уровня его рабочей нагрузки. Участники подчеркивают, что в условиях высокой занятости проведение по-настоящему вдумчивой и чувствительной работы становится затруднительным. Один из участников исследования сформулировал это так: «*Чтобы поговорить "по душам" и все потом описать, нужно очень много времени, которого у меня нет. Другой функционал никто не отменял...*» (инт. 7, 54 г.). В этой связи возникает потребность в более четкой и системной организации работы: структурирование процедур может способствовать оптимизации времени и повысить качество принимаемых решений.

Специалисты сталкиваются с тремя основными затруднениями при подготовке заключений о месте жительства ребенка. Во-первых, отсутствует методика оценки, позволяющая обоснованно выделить НИР в тех случаях, когда условия, предлагаемые каждым из родителей, являются примерно равными. Во-вторых, в таких ситуациях затруднительно учитывать мнение ребенка младше десяти лет, несмотря на то что оно могло бы оказаться значительное влияние на итоговое решение. В-третьих, если родители проживают в разных муниципальных образованиях, подведомственных разным органам опеки, заключения могут различаться по основанию и структуре. В таких случаях они нередко отражают позицию одной из сторон или локальную практику, а не опираются на универсальный и объективный инструмент, способный учитывать нюансы конкретной ситуации.

Подчеркивая актуальность данной проблемы и предвосхищая описание эмпирического исследования, приводим высказывание лишь одного практикующего специалиста:

Ребенок с возрастом уже понимает, что ему нужно. Если он четко говорит, что он хочет жить с мамой, а с папой только общаться, то нет

смысла искать какие-то критерии оценки — где ему будет лучше. А вот при равном положении родителей, когда ребенок привязан к обоим из них, определить «чаши весов» трудно. В большинстве случаев, такой вопрос решается самим специалистом и все зависит от его «ориентиров». Было бы проще, если бы, допустим, в таком случае применялись бы критерии оценки, у кого больше условных плюсов... (Инт. 23, 46 л.)

Отдавая себе отчет в том, что наше исследование основано на ограниченной выборке, мы тем не менее сочли возможным предложить методический подход, приближающий оценку интересов ребенка к понятию «наилучших» и позволяющий в значительной степени преодолеть выявленные трудности.

Методический подход к определению НИР

Предлагаемый методический подход направлен на преодоление практических затруднений, с которыми сталкиваются специалисты при подготовке заключений. Он предполагает выработку единых оснований для определения НИР в различных административных территориях; уточнение логики профессиональных действий, включая согласование процедур форм работы и ожидаемых результатов; а также конкретизацию элементов, подлежащих учету при оценке интересов ребенка, с определением их относительных приоритетов для большей обоснованности выводов.

На этой основе разработана методика, описывающая взаимосвязь formalizованных действий специалистов и организационных мероприятий, задающих принципы, условия и порядок работы. Методика включает три взаимосвязанных компонента. Первый связан с оценкой интересов ребенка и фиксацией факторов, подлежащих учету. Он задает последовательность профессиональных шагов. Второй компонент посвящен определению конкретных элементов и их относительных приоритетов без формальных расчетов, на этом этапе подготавливается акт обследования. Третий компонент связан с использованием концептуальной карты факторов и демонстрационного рабочего листа для систематизации сведений по кейсу (электронное приложение), которые служат общим языком и не подменяют экспертного суждения и принятия решений. На этом этапе формулируется итоговое заключение.

Методические рекомендации Центра защиты прав и интересов детей (2021) содержат примерную форму акта обследования условий жизни ребенка и родителя (или иного лица), претендующего на его воспитание, а также перечень вопросов, отражающих основные элементы, подлежащие оценке. Однако описательная часть акта носит констатирующий характер и не предполагает интерпретации относительной значимости отдельных характеристик. В тех случаях, когда один из родителей не обладает очевидным преимуществом, возникает необходимость в более точном и последовательном учете каждого из представленных элементов.

Для более полного и обоснованного определения НИР специалисты рекомендуют дополнить существующий перечень критериями, позволяющими учитывать психологические и педагогические особенности родительства — в частности, установки и поведенческие реакции, ценностные ориентации, стили воспитания. Такие характеристики могут быть выявлены с участием профильных специалистов на основе соответствующего диагностического инструментария. Именно внимательный и дифференцированный учет таких факторов помогает индивидуализировать оценку в конкретной ситуации.

Интегральное представление всех элементов, составляющих интересы ребенка, целесообразно использовать в виде концептуальной карты факторов с оформлением стандартизированного рабочего листа, которые структурируют сбор и интерпретацию данных, делают ход рассуждений более прозрачным и воспроизводимым и служат общим языком для межведомственного обсуждения. Демонстрационный вариант рабочего листа приведен в электронном приложении; он предназначен для систематизации сведений по кейсам и не подменяет профессионального суждения и принятия решений.

В ходе исследования определены весомые параметры для ключевых компонентов. Среди них — характеристики ребенка, родителей и семейного окружения, жилищно-бытовые и имущественные условия, наличие факторов, представляющих угрозу жизни и здоровью ребенка, а также мнение родителей и самого несовершеннолетнего по существу спора. Сводная концептуальная карта соотношения элементов НИР, сформированная по данным интервью (рис. 2); при ее интерпретации учтена научно обоснованная возрастная периодизация.

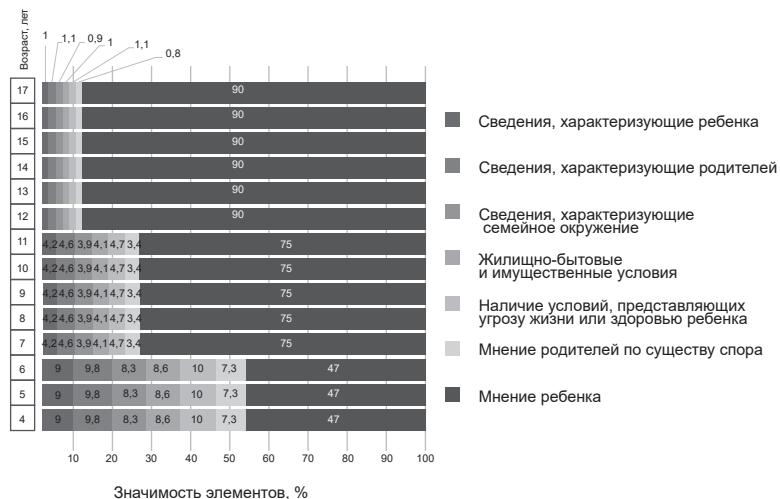

Рис. 2. Концептуальная карта факторов, учитываемых при оценке интересов ребенка

Преимущество предлагаемого подхода заключается в том, что он дополняет анализ сложной и многоаспектной жизненной ситуации структурированной рамкой — концептуальной картой факторов и стандартизованным рабочим листом. Такая рамка помогает выявить и последовательно обсуждать ключевые параметры, влияющие на определение НИР, и делает ход профессиональных рассуждений более прозрачным и воспроизводимым, не подменяя экспертного суждения.

Предлагаемый инструмент рассматривается как дополнительная поддержка специалистов органов опеки при подготовке заключений. Он систематизирует данные, собранные в ходе обследования, и особенно полезен в случаях, когда базовые условия у родителей сопоставимы и требуется увидеть «тонкие» различия. Важно подчеркнуть: инструмент не является автономным калькулятором и не заменяет профессионального суждения и детального анализа семейной ситуации, который специалисты проводят вручную на всех этапах работы. Демонстрационный рабочий лист приведен в Приложении А; он предназначен для упорядочивания информации и обсуждения кейса, а не для автоматизированного выбора решения. Тем самым подход принципиально отличается от калькулятивных риск-ориентированных практик, распространенных на Западе (например, *childrisk-assessment tool*), которые применяются главным образом для выявления вероятности повторного насилия в семье (Saxena et al. 2022) и не предназначены для анализа споров о месте жительства ребенка.

В перспективе подход может быть дополнен использованием предиктивной аналитики и алгоритмов машинного обучения, таких как логистическая регрессия, случайные леса или градиентный бустинг, но только при условии расширения эмпирической базы, получения валидируемых метрик качества и прохождения правовой и этической экспертизы. Ключевыми требованиями остаются интерпретируемость результатов, участие специалиста на всех этапах (неавтономность решений), защита персональных данных и протоколирование использования. Интеграция подобных модулей в информационные системы возможна лишь как средство поддержки принятия решений, а не их замены.

Работа органов опеки и попечительства направлена на поиск баланса между формальной защитой прав ребенка и реальными условиями его благополучия. Для этого требуется уважительный и профессиональный подход, основанный на знаниях, опыте и ответственности. Судебная система, в которую встроена процедура подготовки заключений, нуждается в прозрачной и доказательной поддержке решений, и предложенный метод может стать одним из шагов к большей обоснованности и согласованности практики.

Заключение

Вопрос о том, как определять НИР в условиях семейного спора, остается актуальным для юридической и социальной практики, а также для научного анализа. Проведенное исследование показало, что специалисты

органов опеки и попечительства сталкиваются с серьезными затруднениями при подготовке заключений для суда, особенно когда жизненные условия, предлагаемые родителями, сопоставимы, а эмоциональная привязанность ребенка распределена между ними. В таких ситуациях ощущается дефицит единых методических ориентиров, позволяющих сделать обоснованный выбор без опоры исключительно на субъективное суждение.

Предложенный в статье методический подход предполагает системную рамку оценки интересов ребенка на основе множества элементов. Он делает анализ более прозрачным, воспроизводимым и сопоставимым между разными территориями и специалистами. Предложенная концептуальная карта факторов служит общим языком для структурирования обсуждений и подготовки заключений, не подменяя профессионального суждения. Эвристический прототип рабочего листа, представленный в Приложении, упорядочивает сбор информации, но требует дальнейшей разработки, внешней валидации, правовой и этической экспертизы. Практическая ценность работы состоит в унификации процедур определения НИР, более последовательном учете мнения ребенка в пределах соответствующих возрастных периодов, а также во внедрении кейс-конференций с обязательным участием психолога, что способно повысить обоснованность и согласованность принимаемых решений.

Предложенная методика не претендует на универсальность, однако она создает основу для более взвешенного и этически выверенного принятия решений в спорах о месте жительства ребенка. Это особенно важно в условиях, когда формальных критериев недостаточно и профессиональному суждению требуется опора на обоснованную и прозрачную структуру.

Выражение признательности

Редакция благодарит программу «Университетское партнерство» за поддержку и возможность опубликовать данную статью.

Авторы благодарят Эдуарда Викторовича Патракова, к.п.д.н., доцента, руководителя магистерской программы «Организация и управление в сфере социальной работы» Уральского федерального университета, в рамках которой было проведено исследование, а также Ларису Евгеньевну Петрову, к.с.н., доцента, — за поддержку и ценные замечания.

Материалы для анализа

Заключение на проект федерального закона № 534677–8 (2024) *О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации*. Доступно по ссылке: https://sozd.duma.gov.ru/bill/534677-8#bh_histras (дата обращения: 18 декабря 2024).

Законопроект № 534677–8 (2024) *О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации*. Доступно по ссылке: https://sozd.duma.gov.ru/bill/534677-8#bh_histras (дата обращения: 18 декабря 2024).

Комитет по правам ребенка ООН (2013) *Замечание общего порядка № 14 О праве ребенка на уделяние первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов* (п. 1 ст. 3) от 29.05.2013.

Конституция РФ (1993) принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

Минпросвещения РФ (2025) *Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 103-РИК «Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/3Nshmd> (дата обращения: 25 августа 2025).

ООН (1959) *Декларация прав ребенка № 1386 (XIV)* от 20.11.1959.

ООН (1989) *Конвенция о правах ребенка № 44/25* от 20.11.1989 (вступила в силу для СССР 15.09.1990).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ (1998) *О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей*, № 10 от 27.05.1998.

Федеральный закон (1995) *Семейный кодекс Российской Федерации № 223-ФЗ* от 29.12.1995 (ред. от 23.11.2024).

Федеральный закон (2002) *Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ* от 14.11.2002 г. (ред. от 31.10.2024).

Центр защиты прав и интересов детей (2021) *Методические рекомендации для органов опеки и попечительства по сопровождению семейных споров о месте жительства ребенка и порядке общения с ребенком отдельно проживающего родителя (близкого родственника)*. Москва: ООО Вариант.

Список источников

Арчакова Т. О. (ред.) (2020) *В интересах ребенка. Диалог между теорией и практикой*. Москва: Экон-Информ.

Мартыненко А. А. (2023) «Интересы ребенка»: проблема определения в социальных науках. *Социология власти*, 35 (4): 21–47.

Миролюбова О. Г. (2012) О семейно-правовом понятии «интересы ребенка». Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки, (4): 56–58.

Панякина А. (2024) Мнение ребенка при рассмотрении споров о детях. Г. Ю. Гуляев (ред.) *Актуальные вопросы современных научных исследований: сборник статей IX Международной научно-практической конференции*. Пенза: Наука и Просвещение: 220–222.

Фиошин А. В. (2022) Интерес ребенка как оценочное понятие. Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, (4): 23–29.

Alston P. (1994) The Best Interests Principle: Towards a Reconciliation of Culture and Human Rights. *International Journal of Law, Policy and the Family*, 8 (1): 1–25.

Cash S. J. (2001) *Risk Assessment in Child Welfare: The Art and Science*. CECW Information Sheet #18E.

Gillingham P. (2006) *Risk Assessment in Child Protection: Problem Rather than Solution?* Australian Social Work.

Heiner J., Bartels A. A.J. (1989) Jeugdstrafrecht en het belang van het kind: Het belang van het kind nader omschreven. *Tijdschrift voor Familie- en Jeugdrecht*, (11): 59–67.

Kalverboer M. E., Zijlstra A. E. (2006) *Kinderen uit asielzoekersgezinnen en het recht op ontwikkeling: Het belang van het kind in het Vreemdelingenrecht*. Amsterdam: SWP Publishers.

Ryrstedt E. (2012) Mediation Regarding Children: Is the Result Always in the Best Interests of the Child? A View from Sweden. *International Journal of Law, Policy and the Family*, 26 (2): 220–241.

Saxena D., Repaci Ch., Sage M., Guha Sh. (2022) *How to Train a (Bad) Algorithmic Caseworker: A Quantitative Deconstruction of Risk Assessments in Child Welfare*. Health Services and Informatics Research. 89. <https://researchrepository.parkviewhealth.org/informatics/89>.

Maria Minina, Natalia Razikova

BEST INTERESTS OF THE CHILD: DILEMMAS AND SOLUTIONS

Parental divorce often leads to disputes over a child's place of residence, with the 'best interests of the child' (BIC) serving as a key reference point for guardianship and custody authorities. However, neither legal practice nor social work provides a consistent interpretation of this concept. A review of the scholarly literature likewise reveals methodological heterogeneity and an absence of a widely accepted assessment model. In such circumstances, practitioners' decisions are susceptible to subjective interpretation and depend on local practice. This qualitative study of professional practices draws on in-depth interviews and a short survey of guardianship professionals from seventeen territories in the Sverdlovsk region. The difficulties identified when preparing court-oriented opinions informed the development of a methodological approach aimed at structuring reasoning and aligning procedures. The proposed conceptual map of factors provides a shared language for preparing opinions, while still allowing for professional judgment. The practical value of the work lies in standardizing templates, ensuring a more consistent consideration of the child's voice across different age groups, and including a psychologist as a mandatory participant in case conferences.

Keywords: best interests of the child, guardianship authorities, family disputes, assessment of child's interests, legal practice

Citation: Minina M., Razikova N. (2025) Nailuchshie interesy rebenka: dilemmы i resheniya [Best Interests of the Child: Dilemmas and Solutions]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 23 (2): 251–266.

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-2-251-266

References

Alston P. (1994) The Best Interests Principle: Towards a Reconciliation of Culture and Human Rights. *International Journal of Law, Policy and the Family*, 8 (1): 1–25.

Archakova T. O. (ed.) (2020) *V interesakh rebyonka. Dialog mezhdu teoriей i praktikoy* [In the Interests of the Child. Dialogue between Theory and Practice]. Moscow: Econ-Inform.

Maria Minina — Specialist, Department of Social Policy No. 13, Yekaterinburg, Russian Federation, master's degree student of the direction 'Organization and management in the field of social work,' B. N. Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation. Email: minina_ma@inbox.ru

Natalia Razikova — Cand. Sci. (Chem.), Assoc. Prof., Department of Innovation and Intellectual Property, B. N. Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation. Email: natigraz@mail.ru or n.i.razikova@urfu.ru

Cash S. J. (2001) *Risk Assessment in Child Welfare: The Art and Science*. CECW Information Sheet #18E.

Fioshin A. V. (2022) Interes rebyonka kak otsenochnoe ponyatiye [Child Interest as an Evaluative Concept]. *Vestnik Moskovskoy akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation], (4): 23–29.

Gillingham P. (2006) *Risk Assessment in Child Protection: Problem Rather than Solution?* Australian Social Work.

Heiner J., Bartels A. A.J. (1989) Jeugdstrafrecht en het belang van het kind: Het belang van het kind nader omschreven. *Tijdschrift voor Familie- en Jeugdrecht*, (11): 59–67.

Kalverboer M. E., Zijlstra A. E. (2006) *Kinderen uit asielzoekersgezinnen en het recht op ontwikkeling: Het belang van het kind in het Vreemdelingenrecht*. Amsterdam: SWP Publishers.

Martynenko A. A. (2023) 'Interesy rebyonka': problema opredeleniya v sotsial'nykh naukakh ['The Interests of the Child': The Problem of Definition in the Social Sciences]. *Sociology of Power*, 35 (4): 21–47.

Mirolyubova O. G. (2012) O semeyno-pravovom ponyatiyu 'interesy rebyonka.' [On the Family Legal Concept of 'The Interests of the Child']. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Yaroslavl State University. Humanities Series], (4): 56–58.

Panjakina A. (2024) Mnenie rebyonka pri rassmotrenii sporov o detyakh [The Child's Opinion When Considering Disputes about Children]. In: G. Yu. Gulyaev (ed.) *Aktual'nye voprosy sovremennykh nauchnykh issledovanii: sbornik statey IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Topical Issues of Contemporary Scientific Research: Proceedings of the 9th International Scientific and Practical Conference]. Penza: Nauka i Prosveshchenie: 220–222.

Ryrstedt E. (2012) Mediation Regarding Children: Is the Result Always in the Best Interests of the Child? A View from Sweden. *International Journal of Law, Policy and the Family*, 26 (2): 220–241.

Saxena D., Repaci Ch., Sage M., Guha Sh. (2022) *How to Train a (Bad) Algorithmic Caseworker: A Quantitative Deconstruction of Risk Assessments in Child Welfare*. Health Services and Informatics Research. 89. <https://researchrepository.parkviewhealth.org/informatics/89>.